

Наталья Селявко

ЧЕЛОВЕК, СКУЧАЮЩИЙ В МУЗЕЕ

То – Скука! – облаком своей houka [*] одета
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник
Ты знал чудовище утонченное это?!

Шарль Бодлер. Цветы зла. Предисловие

В 2009 г. ВЦИОМ произвёл серию социологических исследований по теме «Музеи Кремля: ожидания посетителей и информационные услуги музеев». То, что и раньше было далеко не секретом – посещение музеев не является самым предпочитаемым способом проведения свободного времени у россиян, стало статистически подтверждённым фактом. Лишь 2% опрошенных отметило «посещение музеев, вернисажей и выставок» как предпочтительную форму досуга [1]. Самым же популярным вариантом стал «смотреть телевизор, слушаю радиопередачи».

Возникает вопрос, почему?

В «Приложении 3» к вышеупомянутому исследованию приводятся материалы опросов фокус-групп, в т.ч. старшеклассников. Одной из целей данных опросов являлось выявление факторов, влияющих на удовлетворенность посетителей информационным наполнением музея. Вот что интересно: половина опрошенных детей, говорит о том, что в музее бывает неинтересно – скучно. Это притом, что все школьники стараются показать свой опыт общения с музеем как положительный и крайне полезный.

Поход в музей чаще всего обусловлен культурной традицией, прививаемой нам родителями и школой: человек, приезжающий в новый город считает своим долгом посетить какой-нибудь местный музей, но при этом не отдаёт себе отчёта – зачем? Большинство, скорее всего, оправдывает этот поход так же, как и Филипп из фокус-группы: «Мне понравился Художественный музей им. Пушкина, там много чего интересного, очень интересные старые скульптуры, различные мумии, которые хранились очень долго». На вопрос, так что же конкретно понравилось молодому человеку в музее, последовал ответ: «Мне кажется, что мумии. Они такие загадочные». Этому школьника заинтересовала диковинка, других ребят поражает в музеях воссозданная аура прошедшего времени (Московский государственный музей С.А. Есенина) и возможность прикоснуться к материальным свидетельствам великих событий (Бородинский военно-исторический музей-заповедник), т.е. музей для них это, прежде всего, развлечение, возможность испытать новые эмоции (удивление, восторг и т.д.). Информацию, полученную в музеях, ребята считают в принципе бесполезной для каких-либо практических целей, она нужна им «для себя, чтобы просветиться» [2]. При этом, рассказывая об опыте посещения музеев, некоторые из опрошенных даже не помнили, чему были посвящены эти музеи, единственное, что осталось в памяти – это образ и впечатление. Можно предположить, что школьники перед походом в музей не ставили перед собой никакой конкретной задачи, поэтому по прошествии некоторого времени вся на самом деле не нужная им информация была благополучно забыта.

Казалось бы, как это относится к тому, что человек скучает в музейном зале? В процессе рассуждения эта тема будет ещё раз затронута и объяснена. Но прежде стоит обратиться к истории философии скуки в западноевропейской культуре.

Считается, что самым первым философией скуки начал заниматься Блэз Паскаль [3]. Он рассматривал скуку в теологическом ракурсе. Для него человек не верующий в Бога предоставлен скуке, т.к. посредством скуки человек осознает, что пребывает в ничто, и что без Бога он становится частью этого ничто. Т.о. человек может обрести смысл жизни лишь в Боге, и только вера – единственное средство против всепоглощающей скуки. Все развлечения, все занятия, которым предается человек, подобны пириту – кажется вот оно счастье, но приглядишься поближе и понимаешь, что это обман.

Лекарство от скуки, предложенное Блэзом Паскалем, претендует на универсальность. Однако, современному человеку, в котором не так сильно христианское сознание, кажется, будет ближе позиция Имануила Канта. Он полагал, что скука непосредственно связана с культурным развитием человека, т.к. он отходит от простой схемы насущные потребности – их удовлетворение, стремится к новым удовольствиям, и как следствие попадает в скуку. Единственный выход – несмотря ни на что трудиться, т.к. в воспоминаниях будут иметь вес только наши поступки, а не удовольствия. Поэтому надо работать, тем самым утяжеляя прожитое время и избавляясь от скуки.

Если рассматривать не любую скуку, настигающую человека, а только музейную, то можно сказать, что Канту вторят современные музейные специалисты. В среде музейных работников справедливо считается, что посещение музея это не развлечение, а серьёзный труд. Если идти в музей с грамотно

построенной экспозицией, то надо понимать, что придётся сначала понять логику экспозиционера, а потом уже считывать смыслы, заложенные в экспозиции. Подобную позицию можно считать спорной, но по такому принципу создаются современные исторические, технические, естественно-научные и т.д. музеи. Исключение может составлять лишь традиционный художественный музей, пространство которого и так переполнено смыслами, чтобы его ещё больше утяжелять. Поэтому, по Канту, чтобы не испытывать довлеющей скуки в залах музея, надо быть нацеленным на активную умственную работу, а не на расслабленное передвижение от экспоната к экспонату. Так впечатление от увиденного и прочитанного будет гораздо сильнее, и посещение музеев станет по-настоящему интересным занятием, прочувствованным на собственном опыте. Вспомним о школьниках, включенных в фокус-группу. Недаром они забывали информацию, полученную в музеях, ведь она была добыта слишком легко. Экскурсовод делился со старшеклассниками своими знаниями, не заставляя их работать, вследствие чего они наверняка испытывали скуку, и в скором времени многое забыли.

Подход Иммануила Канта, впрочем, не подходит к музеям ориентированным как раз на развлечение публики и даже на её эпатаж. Это, прежде всего, музеи современного искусства и хед-он технические музеи, в которых помимо концепции присутствует трансгрессия как переход черты дозволенного. Как ни странно первопроходцами в этом были именно технические музеи, ещё в самом начале XX в. сломавшие табу неприкосновенности музейного экспоната, вместилища истории. Сейчас никого уже не удивляет, когда посетитель не просто вовлекается в жизнь предмета современного искусства, как тот на кого он направлен, но становится его непосредственным творцом (например, в перформансах). Однако и тут нас поджидает скука, скука, вызванная бессмысленностью происходящего. Перформанс может быть оригинален, но художник ничего не говорит, даже не пытается, более того, общество от него этого уже не требует. Происходит действие ради самого действия, вызывающие ощущения бессмысленности. Получается, что даже удаление традиционных барьеров приводит нас к всё к той же скуке, а возможно даже ещё к более гнетущей, т.к. к ней примешивается чувство безысходности. Есть ли выход?

Обратимся к пониманию скуки Хайдеггером. Для него это «миг, когда время расходуется впустую. Время в чистом виде, его простое присутствие. Это и есть скука – момент, когда человек замечает, как проходит время; замечает именно потому, что время не желает ‘проходить’, ибо человек не может его ни ‘схоронить’, ни ‘убить’, ни, как говорится, ‘провести с пользой’» [4].

Хайдеггер выделяет три формы скуки. Первая представляет собой бездумное ожидание чего-либо. Вторая является избеганием рутины посредством «побега на вечеринку», где человек на какое-то время почувствует себя в настоящем и где его снова охватит скука. Скука останавливает Дазайн, он предстаёт в ней как «стоящее» и «неотпускающее» Теперь. Попадая в одну из двух форм скуки, мы выпадаем из экзистенциальности временности и, поскольку экзистенциальность времени так или иначе всегда является экзистенциально осмысленной, теряем «связь», смысл, нашего времени. Вольно или невольно «теряясь» во времени-теперь, мы теряем смысл нашего настоящего в перспективе связи целого [5].

Существует и третья форма скуки – «глубокая скука». В ней индивидум не скучает, ему скучается, кажется, он становится сопричастным чему-то вне его. И именно через неё Хайдеггер предлагает уходить от первых двух форм скуки. Удовольствиями и развлечениями, в т.ч. и посещением музеев традиционных или развлекательного типа, мы усыпляем глубинную скуку, тем самым выталкиваем на поверхность скуки первых двух форм, неотступно следующих за нами. Лишь вскрыв глубинную скуку, сделав её явной можно освободиться от страданий. Исходя из этого Хайдеггер предлагает парадоксальное: пробудить скуку и не дать ей уснуть. Для этого не надо ничего предпринимать, нужно ждать [6]. Получается, что если человек идёт в музей и самостоятельно осматривает экспозицию или произведение искусства, но при этом ощущает скуку от самого произведения или темы экспозиции, но не от процесса, которым он занят, более того, он усугубляет эту скуку, спуская её на уровень глубинной скуки, где время не ощущается (до этого оно будто стояло на месте), а сущее неспособно нам что-либо предложить, оно опустошено (хотя до этого отказывало нам либо в объекте, либо в ситуации). Однако остается сомнительным, что кому-либо это удастся. Поэтому нам, скорее всего, суждено всегда испытывать скуку первой или второй формы.

Итак, получается, что испытываемая посетителем в музейном пространстве скука, является неотъемлемой частью человеческого существования в принципе. Она проявляется сильнее именно в этом дисциплинарном пространстве, т.к. то с чем сталкивается посетитель в стенах музея противоположно его ожиданиям (отдохнуть и развлечься VS умственная работа), а если всё-таки происходит совпадение, то посетитель сталкивается со скукой в Хайдеггеровском понимании и с ней справиться уже не может.

Примечания

*. Трубка для курения опиума.

1. Во всероссийских опросах ВЦИОМ опрашивались (если не указано особо) 1600 человек в 153 нас. пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.